Источник: Таганрогскій вестникъ
Дата выпуска: 30.01.1993
Номер выпуска: 03
Заглавие: Письма? Нет, притчи!
Автор: Е. Шапочка

Сказать, что письма Антона Павловича Чехова так же увлекательно читать, как и его произведения, - значит сказать очень мало. Трудно подобрать слова, которые бы полно и точно передавали всю важность и необходимость для каждого из нас творческого и эпистолярного наследия писателя-таганрожца.

Обратимся к трем (всего лишь к трем!) небольшим выдержкам из писем А. П. Чехова, которые условно названы притчами. Первые две притчи из писем к малоизвестной в ту пору, а ныне и вовсе позабытой писательнице Е. М. Шавровой.

Писательница была очень молода и весьма неопытна в литературной работе, но Антон Павлович со свойственным ему великодушием и терпением редактировал ее рассказы, давал советы, встречался, содействовал помещению ее рассказов в различных изданиях, отвечал на письма.

Так, 16 сентября 1891 года на рассказ Шавровой, присланный в рукописи, А. П. Чехов отвечал довольно-таки подробно и заинтересованно. Речь, в частности, шла 6 «врачах по женским болезням». Их, врачей, семнадцатилетняя писательница назвала селадонами и циниками. «Позвольте мне поспорить»,— предлагает Чехов и в конечном итоге излагает свои мысли так: «Ум, хотя бы семинарский, блестит ярче, чем лысина, а вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт. Вы заметили также и подчеркнули, что толстый человек —бррр! —выделяет из себя какой-то жир, но совершенно упустили из виду, что он профессор, т.е. что он несколько лет думал и делал что-то такое, что поставило его выше миллионов людей, выше всех верочек и таганрогских гречанок, выше всяких обедов и вин. У Ноя было три сына: Сим, Хам и, кажется, Афет. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. Пишущие не должны подражать Хаму. Намотайте это себе на ус. Я не смею просить вас, чтобы вы любили гинеколога и профессора, но смею напомнить о справедливости, которая для объективного писателя дороже воздуха».

Второй урок нравственности «многоуважаемая коллега» Е, М. Шаврова получила 2 декабря 1896 года в письме Чехова из Мелихова. Однако этому предшествовало следующее.

В середине ноября Чехов был в Москве и встретился с Е. М. Шавровой в большой московской гостинице, где и обсуждался один из ее рассказов. Из-за неверных часов молодая писательница загостилась у Чехова. Спустя несколько дней она писала Антону, Павловичу извинительным тоном: «Когда Вы опять будете в Москве? Если не инкогнито, то дайте знать. Я приеду с верными часами, а то мне, право, ужасно совестно: пробыть с 7 часов почти до 12-ти — это длинный визит, и Вы должны были соскучиться». На что Антон Павлович среди прочего ответил: «Я пошел со своими часами к Буре, хотел отдать в починку. Буре заглянул в часы и повертев их в руках, улыбнулся и сказал сладковатым голосом:

—Вы, мсье, забыли их завести... Я завел — и часы пошли. Так иногда причину своих бедствий ищешь в мелочах, забыв о главном».

Есть еще приметные слова Чехова, которые хочется назвать притчею и которые вспоминаю, но никогда не произношу вслух при встрече со знакомыми, когда звучит привычное: как жизнь? Написаны они были Антоном Павловичем в ответном письме к сестре Маше вскоре после смерти их отца, Павла Егоровича.

Мария Павловна Чехова сообщала брату о тревогах матери, Евгении Яковлевны: «Гудит ли самовар, свистит ли в печи или воет собака — все это производит страх и опасение за будущее...»

«Скажи матери,— писал А. П. Чехов,— что как бы ни вели себя собаки и самовары, все равно после лета должна быть зима, после молодости старость, за счастьем несчастье и наоборот; человек не может быть всю жизнь здоров и весел, его всегда ожидают потери, он не может уберечься от смерти, хотя бы был Александром Македонским,— и надо быть ко всему готовым и ко всему относиться как к неизбежно необходимому, как это ни грустно. Надо только по мере сил исполнять свой долг — и больше ничего».

Таков Чехов.